

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Дурновцев Валерий Иванович

д-р истор. наук, профессор, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»
г. Москва

«ИДЕАЛ НА ВСЕ ВРЕМЕНА», ИЛИ АПОЛОГИЯ «ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА»

Аннотация: в статье рассматривается феномен постоянного «присутствия» в новейших научно-исследовательских и образовательных практиках идей и принципов, сформулированных и реализованных в период утверждения статуса истории как науки, неразрывно связанных с творчеством «горной вершины» исторической науки XIX века – Леопольда фон Ранке.

Ключевые слова: Леопольд фон Ранке, исторический позитивизм, источниковедение, российская историография.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-01-00310.

В предлагаемой статье речь пойдет не о новейших исследованиях т.н. исторического позитивизма и занимающем в нем особое место выдающегося германского историка Леопольда фон Ранке, между прочим, иностранного члена Российской академии наук. Хотя этим формальным обстоятельством его связь с русской исторической наукой не ограничивается.

Нас занимает феномен постоянного «присутствия» в новейших научно-исследовательских и образовательных практиках идей и принципов, сформулированных и реализованных в период утверждения статуса истории как науки с параллельным осознанием определяющей роли в ней исторической критики источников. И все это, несмотря на колоссальные изменения, произошедшие в XX – начале XXI века в мировой историографии.

Яркие прозрения в теоретическом осмыслении исторического движения и путей его познания, трудно представимое еще несколько десятилетий назад расширение источниковой базы исследований с последующей разработкой инновационных способов обработки массовых данных, повлекшие за собой новые научные практики, совершенствование и обновление исследовательских процедур и исторического нарратива, повсеместно сопровождались острыми кризисами, разочарованиями в познавательных возможностях истории. История не только время от времени обманывала, она, по мнению многих, оказалась бессовестной лгуньей по определению, по своей глубокой внутренней сущности. Удовлетворить постоянный массовый интерес к прошлому, по разным причинам не всегда адекватный, постаралась, и не без успеха, как правило, политически ангажированная «фейковая историография». Травмы, нанесенные историческому сознанию в минувшем веке, стали лечить методами Кашпировского и иже с ними.

Апология традиционного историописания объяснима отчетливой тревогой за будущее научной истории, истоки которой со времен Фукидида связаны с попытками заменить мифы правдой о прошлом, какой бы она ни была неприятной, и оптимистическим убеждением в возможности постижения исторической реальности посредством строгой критики следов, которые оставила поступь истории. Изучение истории по сути поиск истины. Результатом отсутствия стремления к ней может быть роман о прошлом, не более. История, конечно, одна из форм литературы; но провокационным является исходящее от многочисленных литературных и социальных теоретиков утверждение, что история – это не более, чем форма литературы. Следствием масштабного теоретизирования вкупе с политической ангажированностью и отрицанием методов и практики эмпирического историоописания может быть «убийство истории» [7].

В середине XIX в. опыты реконструкции, воссоздания исторической реальности успешно разрешались в «исторической школе», персонифицированной, по преимуществу, в «старике» Л. Ранке, и благодаря которой история, собственно, и обрела качества научности. Выдвижение на первый план исторического источ-

ника, архивного по преимуществу, обеспечивающего точную презентацию фактов, сочеталось с безусловным на риторическом уровне, но достаточно последовательным на практике отказом от каких бы то ни было национальных и идейно-политических пристрастий. Еще Дж. Гуч заметил, что Л. Ранке четко отделил изучение прошлого от страстей настоящего [5, с. 102; 2].

«Историческая школа» Л. Ранке с некоторыми оговорками вписалась в позитивистские конструкции. Исключительной оказалась ее роль в развитии русской историографии, в том числе возникновении специфической отечественной исторической дисциплины – источниковедения.

Но наступило время иных когнитивных установок и систем ценностей. Жесткая, полная сарказма в выступлениях «горных вершин» исторической науки XX в., – основателей «Анналов» – критика патриарха германской историографии и всей его «исторической школы», казалось бы, должна была не оставить камня на камне от прежних, признававшихся образцовыми, фундаментальных (позитивистских) установок.

Претензий к «позитивистской истории», нацеленной на изучение документов, исключительно письменных источников посредством филологического анализа было предостаточно. Ее ожидала в обозримом будущем незавидная участь объекта историографического изучения. Все новые и новые методологические идеи, родившиеся в недрах исторической науки и в смежных областях, овладевали исследователями, но часто только для того, чтобы, подобно метеориту, сверкнуть на карте звездного неба и навсегда исчезнуть.

Между тем, удивительным образом, в современной историографии ранкеанские идеи реабилитируются в тысячах и тысячах добротных больших и малых исследовательских опытах, а освоение оставленного наследства «исторического позитивизма» сплошь и рядом рассматривается *conditio sine quo non* профессиональной подготовки историка и его дальнейшего роста. Прав Х. Уайт: из реальности своего времени Ранке сделал идеал на все времена.

Открыто заявить о своих, так сказать, «позитивистских» пристрастиях и наклонностях не всегда и не везде удобно. Невообразимо представить современную кандидатскую диссертацию, автор которой в нормативном объяснении своих методологических установок (основ) признается в грехе изучения исторических источников в духе автора «Истории романских и германских народов с 1494 до 1535 гг.» или «Введения в историю» Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. Клеймо ретрограда смыть невозможно, требования историографической корректности оказываются выше внутренней убежденности. Почившая в бозе догматическая советско-марксистская историография время от времени напоминает о себе протокольными реверансами авторов в сторону того или иного модного веяния только для того, чтобы начисто забыть о нем в ходе конкретного исследования.

Ю.И. Семенов в предисловии, предваряющем переиздание «Введения в историю», уверен, что в нем содержатся идеи, которыми должен руководствоваться каждый специалист в области истории. «Авторы исходят из положения, которое никогда не устареет и никогда и никем не будет опровергнуто. Оно заключается в том, что прошлое человечества не зависит от сознания историка... Воссоздать исторический процесс таким, каким он был на самом деле, можно лишь при условии тщательнейшей критики исторических источников и тем самым скрупулезнейшего установления достоверности исторических фактов. Как раз книга Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса и учит этому. Основной принцип, который положен в ее основу, – обеспечение максимальной объективности исторического знания... Названный труд ценен тем, что он может способствовать избавлению нашей исторической науки от субъективизма и тем самым восстановлению уважения к ней» [3, с. 35–36]. О том же пишут И.М. Савельева и А.В. Полетаев: «Позитивистские критерии научности исторического исследования во многом до сих пор определяют научную этику исторического сообщества и предлагают ориентиры, пользуясь которыми можно отличить историка-ученого от идеолога, легитимизирующего настоящее с помощью прошлого. Историкун пред-

писывается не манипулировать историческими данными. Историк должен считаться с исторической информацией, в том числе с новой, и, учитывая ее, корректировать свои конструкции и выводы. И, наконец, историк непременно использует принятые в науке его времени методы, в то время как пропагандист опирается на подходы, характерные скорее для псевдонауки» [2, с. 75].

Современные методы научного исторического исследования вырастают из позитивистского древа. Но для идеологически ориентированного историка и те, и другие, конечно, имеют ничтожное значение.

Старая традиция: едва упомянув Л. Ранке, нужно обязательно напомнить его знаменитое высказывание – пароль, боевой клич, клятву (Л. Февр) историка. Обратим еще раз внимание на то, что в нем нет и следа теоретической рефлексии. Это Гегель, коллега Л. Ранке по Берлинскому университету, подчинял историческую реальность схемам всемирной истории. А Л. Ранке, высоко ценивший Гегеля, всего-навсего заметил, что как раз на это он нисколько не претендует, поскольку стремится к созданию эмпирических исследований на основе фактов, проверенных критическим методом, а не спекулятивными и умозрительными рассуждениями: «История возложила на себя задачу судить о прошлом, давать уроки настоящему на благо грядущих веков. На эти высокие цели данная работа не претендует. Ее задача – лишь показать, как все происходило на самом деле (*wie es eigentlich gewesen*)».

В этой связи невольно вспоминаются известные строки из воспоминаний С.М. Соловьева: «Из Гегелевых сочинений я прочел только «Философию истории»; она произвела на меня сильное впечатление; на несколько месяцев я сделался протестантом, но дальше дело не пошло, религиозное чувство коренилось слишком глубоко в моей душе, и вот явилась во мне мысль – заниматься философией, чтобы воспользоваться ее средствами для утверждения религии, христианства; но отвлеченности были не по мне; я родился историком» [4, с. 268].

Ю.П. Зарецкий отмечает: «Критика его (традиционного концепта источника), впрочем, никогда не была тотальной и потому не привела к полному отказу от этой «основы основ» исторической науки XX века. Немало историков

сегодня остаются на позициях, близких к тем, которые разделял Ранке, и не видят необходимости в дальнейшей теоретической рефлексии в отношении своего «ремесла». Зачастую они даже считают ее вредной, ссылаясь на «эффект сороконожки» (одна сороконожка задумалась, с какой ноги ей пойти, и так никогда и не сдвинулась с места). Эти историки, как и раньше, воспринимают «источник» как подобие природного ключа, бьющего кристально чистой водой сведений о прошлом» [1, с. 45].

Решительное неприятие позитивизма невольно провоцировало дискредитацию самого основания исторического труда историка, коренные методические принципы, лежащие в основе его ремесла и творчества.

А.К. Соколов, наблюдая за судьбами отечественного источниковедения, обращая внимание на особое место в нем письменных текстов, отмечает: «Из Франции и Германии многие [ранкеанские] идеи перекочевали в Россию, положив начало отечественному источниковедению. Установление происхождения, подлинности и аутентичности источника (внешняя критика), оценка достоверности сообщаемых в них свидетельств (внутренняя критика) составили сердцевину такого источниковедения». А.К. Соколов называет сформированные под прямым воздействием ранкеанских идей исследовательские установки застывшим позитивизмом и не видит в них ничего предосудительного, в отличие от антипозитивистского запала. «Позитивистская ориентация оказывает благотворное воздействие на развитие исторических знаний. Она хорошо совпадает с начальными этапами исторического исследования и несет поэтому ученические функции. Это – школа» [6; 7].

Впрочем, расхожий термин «исторический позитивизм» можно было бы заменить другим, по нашему мнению, более точным, лишенным налета снисходительности, и обеспечивающим преемственность научно-исторического знания. И если переформатировать его в «методическую школу», а еще лучше – «научно-методическую школу», то откроются новые методологические и методические горизонты научного поиска при должном уважении к истокам.

Фундаментальные положения «научно-методической школы», имевшие одним из своих следствий возникновение на российской почве специальной исторической дисциплины «Источниковедение», являются не только определяющим руководством овладения ремеслом историка, но и отправным пунктом в дальнейшей профессиональной исследовательской практике и развитии дисциплинарной исторической методологии.

Список литературы

1. Зарецкий Ю. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.
2. Савельева И.М., Полетаев А.В. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. – Вып.18. – М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2007.
3. Семенов Ю.И. Труд Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» и современная историческая наука // Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004.
4. Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. – М., 1983.
5. Gooch G.P. History and Historians in the Nineteenth Century. – L.; N.Y.; Toronto: Longmans, Green and Co., 1913.
6. Соколов А.К. Введение // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. – М.: РОССПЭН, 2004.
7. Windschuttle Keith. The Killing of History. How a Discipline is Being Murdered by Literary Critics and Social Theorists. – Sydney, Australia: Mcleay Press, 1994.